

МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ОТВЕТЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ АНКЕТЫ: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НАРРАТИВОВ О ЖИЗНЕННЫХ ТРУДНОСТЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ, ВЫСКАЗАННЫХ РЕСПОНДЕНТАМИ В МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОПРОСАХ

Владимир Борисович Звоновский¹ (zvb@socio-fond.com),
Александр Владимирович Ходыкин² (a.khodykin@socio-fond.com)

¹ Фонд социальных исследований, Самара, Россия

² Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

Цитирование: Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2026) Ответы за пределами анкеты: опыт качественной реконструкции нарративов о жизненных трудностях военного времени, высказанных респондентами в массовых политических опросах. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(3): 212–243.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.8> EDN: FRKCEK

Аннотация. Восприятие респондентами вопросов анкеты всегда шире, чем поле измеряемых ею признаков, поэтому ответы участников опросов часто выходят за пределы выбора из предложенной шкалы вариантов, в особенности когда изучаемая тема непосредственно затрагивает жизненные ситуации респондентов. Некоторые респонденты дают подробные ответы, позволяющие точнее описать восприятие людьми экономической и политической ситуации, однако в итоговых массивах количественных данных остаются только распределения ответов. Поэтому для более полного описания восприятия россиянами условий жизни в связи с экономическими и политическими событиями последних лет в данной статье мы проанализировали высказанные респондентами в опросах на политическую тематику нарративы, содержащие описания тех сложностей, с которыми они столкнулись в последние годы. Эмпирическую базу исследования составили 474 аудиозаписи интервью, отобранных из трех общероссийских телефонных опросов (2024–2025) по специальной отметке интервьюера о наличии важных нарративов по теме опроса, выходящих за пределы измеряемых анкетой признаков. Исследование позволило прийти к следующим выводам. 1. Для респондентов, в ближайшем окружении которых есть убитые, раненые или столкнувшиеся с особыми трудностями участники военного противостояния с Украиной, оно стало событием их биографии и воспринимается как лично переживаемая травма. 2. Среди россиян, особенно среди тех, чью семью непосредственно затронули военные действия, силен запрос на большее равенство с представителями власти в распределении благ, тягот и лишений военного времени. 3. Опыт воевавших зна-

комых воздействует на мнение респондентов сильнее, чем информация из СМИ. 4. Наибольшие экономические трудности возникают у россиян, которые столкнулись с сочетанием низких доходов и высоких расходов, например, когда маленькая пенсия сочетается с наличием на иждивении нетрудоспособных родственников. Неработающие пенсионеры оказываются наиболее уязвимой социальной группой. 5. Особые трудности создает ситуация, когда низкий уровень достатка сопряжен с плохим состоянием здоровья: в таком случае экономическая депривация усугубляется утратой социальных связей, на поддержание которых у человека не остается ресурсов.

Ключевые слова: нарративы, качественные методы, жизненные трудности, российский-украинский конфликт, анализ документов, телефонные опросы, респонденты.

Введение

Любое количественное социологическое исследование строится на предположении, что вопросы анкеты и категории ответов соответствуют восприятию реальности респондентами. Однако интерпретация людьми событий, повлиявших на их жизнь, всегда оказывается шире, чем может измерить любой количественный инструментарий. Поэтому при ответах на вопросы анкеты респонденты иногда высказываются о событиях гораздо шире и противоречивее, чем того требуют вопросы, создавая тем самым бунт объекта против метода в духе Пола Фейерабенда — когда метод оказывается недостаточным, чтобы достаточно полно описать объект исследования (Фейерабэнд 2007). Поэтому для более точного описания жизни россиян в условиях военного времени следует дополнять количественный анализ опросных данных качественным исследованием высказанных респондентами нарративов, выходящих за пределы опросника. Их спонтанные высказывания — это ценный материал, позволяющий увидеть то, что А. Шютц, опираясь на феноменологию Э. Гуссерля, называл «жизненным миром» (*Lebenswelt*) (Шютц 2004): дотеоретическую, самоочевидную респондентам реальность исследуемых событий, интерпретация которых определяется социальным запасом знания по П. Бергеру и Т. Лукману, которым обладает респондент как представитель конкретной социальной группы и обладатель особого жизненного опыта (Бергер, Лукман 1995).

Такие высказывания респондентов представляют собой человеческие документы, в которых субъективный опыт становится объектом социологического анализа, проводящегося с помощью разработанной У. Томасом и Ф. Знанецким методологии экспликации личных свидетельств из коллективных представлений об исторических событиях. Томас и Знанецкий настаивали на том, что нельзя понять социальные процессы,

игнорируя «человеческий коэффициент», то есть то, как сами участники определяют ситуацию, в которой находятся (Thomas, Znaniecki 1927). Такое определение ситуации, даже если оно расходится с объективными историческими или экономическими данными, становится реальной основой для действий и переживаний людей. Поэтому знаменитая теорема Томаса гласит: если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях — если люди переживают даже объективно благоприятную ситуацию как неблагоприятную или оскорбительную для себя, они и действовать будут в соответствии с такой интерпретацией (Thomas, Thomas 1928; Мертон 2006). Поэтому еще М. Вебер писал о необходимости для понимания действия экспликации его субъективно полагаемого смысла, связываемого с ним действующим актором (Вебер 2016).

Кроме того, для социологического анализа важно не только, что говорят респонденты, но и то, как они это говорят, как они производят свое присутствие в ситуации и высказывании о ней. Когда сбивается речь, дрожит голос, человек замолкает или повторяет одни и те же слова, волнуемое его событие переживается им в процессе опросной коммуникации, трансформируя ее. Использование в феноменологической социологии предложенного Х. У. Гумбрехтом для описания экзистенциальных переживаний концепта «производство присутствия» позволяет дать социологическую интерпретацию вербальным и невербальным проявлениям воспроизводства травматического переживания в интервью на чувствительную тематику (Гумбрехт 2006).

В России социологические опросы стали относительно распространенными во времена позднего СССР, когда они проводились только государственными организациями. Это сформировало возникшую еще в 1990-е гг. и сохраняющуюся по сей день специфику восприятия россиянами опросов как способа коммуникации с властями, в результате чего значимая часть респондентов при ответах на вопросы стремится высказать информацию, которую хочет донести до руководителей различного уровня (Братерский, Кулешова 2021). Среди респондентов, лично затронутых проблемами, исследуемыми в опросе, такие ответы встречаются стабильно чаще. Поэтому в проанализированных в данной статье нарративах встречаются если не прямые обращения к интервьюеру как к представителю власти, то описания проблем в форме адресуемых руководством жалоб или претензий. Такая особенность российских респондентов дополняет их естественное желание поделиться переживаниями и стимулирует развернутые высказывания о преломлении актуальных событий в их судьбе. Наша статья дает слово этим респондентам и, систематизируя их narra-

тивы, описывает не поддающиеся количественному измерению оттенки специфики восприятия россиянами жизненной, экономической и политической ситуации.

Цель и задачи исследования

Цель исследования — реконструировать и описать на качественном материале нарративы, в которых россияне осмысливают жизненные трудности военного времени, выходящие за пределы измеряемых анкетой признаков и недоступные стандартным инструментам количественных опросов.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

1. Описать, каким образом военный конфликт преломляется в личном опыте респондентов, чье ближайшее окружение непосредственно затронуто военными действиями.
2. Охарактеризовать восприятие респондентами специфики распределения между различными социальными группами тягот и благ времени внешнеполитического противостояния.
3. Описать на материале нарративов, с какими сочетаниями жизненных обстоятельств респонденты связывают наиболее острую экономическую депривацию в условиях внешних трудностей.
4. Охарактеризовать специфику восприятия респондентами опросной ситуации как коммуникационной процедуры.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования являются аудиозаписи успешно завершенных интервью из трех телефонных опросов, репрезентирующих взрослое население России (CATI) на политическую тематику (в каждом опросе были вопросы об отношении к действующей российской власти и СВО). Опросы проведены Фондом социальных исследований при участии авторов этих строк 1) в июле 2024 года (N = 2500), 2) в июле–августе 2025 года (N = 1608) и 3) в августе–сентябре 2025 года (N = 1007). Все опросы проводились по разным анкетам и не связаны друг с другом, но при проведении качественного анализа высказанных нарративов этими различиями можно пренебречь, поскольку ответы респондентов содержат описание различных аспектов проживания ситуации военного времени без привязки к заданным вопросам. Интервью с нарративами для анализа выявлены нами с помощью специального вопроса для интервьюеров, на который нужно было ответить после завершения опроса респондента: *«Как Вы полагаете, высказал ли респондент во время интервью какую-то важную для понимания ситуации в регионе или стране информацию,*

которая не попала в вопросы анкеты (например, попытался обратиться к властям через интервьюера или рассказал о своей жизни, жалобах, трудностях или радостях и т.п.)?» Аудиозаписи интервью, в которых оператор отметил вариант «да» при ответе на этот вопрос, прослушаны и проанализированы. Всего проанализировано 474 аудиозаписи: 201 из опроса 2024 года, 173 из опроса за июль-август 2025 года и 100 случаев из опроса за август-сентябрь 2025 года. Перед проведением каждого из опросов интервьюеры получили инструкцию обращать внимание на все высказывания респондентов, которые выходят за пределы вопросов или вариантов ответа из анкеты. Доли интервью с важными нарративами в каждом из опросов представлены в таблице 1; ее данные показывают устойчивость доли респондентов, пожелавших высказать что-то важное, что выходит за пределы анкеты — такие нарративы выявлены примерно в каждом десятом интервью.

Таблица 1

**Доли выявленных в интервью нарративов
о жизни респондентов**

	Июль 2024	Июль-август 2025	Август-сентябрь 2025
Отмечены нарративы	8%	11%	10%
Не отмечено нарративов	92%	89%	90%

Для сравнения социально-демографического и политического профиля респондентов, высказавших дополнительную вопросы анкеты информацию и не высказавших таковой, сопоставим ответы представителей данных групп по социально-демографическим характеристикам и ответам на вопрос об отношении к СВО, который задавался в двух опросах в идентичной формулировке. Данные, приведенные в таблице 2, показывают, что по полу значимых различий не выявлено; по возрасту дополнительными высказываниями значительно чаще отмечались старшие респонденты; по доходу такие высказывания характерны для менее финансово обеспеченных групп. По политическим установкам оставшие нарративы респонденты несколько более критично настроены к действующей власти и ее решениям: они немного чаще не поддерживают СВО (14% против 10%), реже затруднились ответить (11% против 19%) и чаще не желали отвечать на этот вопрос (27% против 18%). Как видим, чаще склонны высказывать дополнительную информацию более пожилые, низкодоходные и несколько более критически относящиеся к решениям властей респонденты.

Таблица 2

**Различия между группами респондентов,
высказавших и не высказавших нарративы о своей жизни***

	Отмечены нарративы (n=474)	Не отмечено нарративов (n=4641)
Пол респондента		
Мужчины	56%	58%
Женщины	44%	42%
Возрастные группы		
18-29	9%	13%
30-39	22%	24%
40-49	21%	25%
50-59	15%	15%
60 лет и старше	33%	23%
Укажите, пожалуйста, хотя бы приблизительно, какой ежемесячный доход в среднем приходится на каждого члена Вашей семьи?		
12 000 руб. и менее	8%	6%
12 001–30 000 руб.	42%	39%
30 001–70 000 руб.	29%	30%
свыше 70 000 руб.	8%	14%
Не имею дохода	2%	1%
Затрудняюсь ответить	8%	6%
Отказ	4%	4%
Скажите, пожалуйста, вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины, затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?¹		
База расчета процентов, n	301	3206
Да, поддерживаю	49%	52%
Нет, не поддерживаю	14%	10%
Затрудняюсь ответить	11%	19%
Не хочу отвечать на этот вопрос	27%	18%

* Проценты везде округлены до целых значений; вследствие округления суммы могут отличаться от 100 %. Данные представлены по невзвешенным массивам.

¹ Вопрос в такой формулировке задавался только в двух опросах: в июле 2024 и августе-сентябре 2025.

При отборе высказываний для включения в статью использовались следующие критерии. Для детального анализа отбирались нарративы, отвечающие хотя бы одному из двух условий: (1) содержательная конкретность и неочевидность — преимущество отдавалось высказываниям, в которых респондент описывал собственную жизненную ситуацию в конкретных деталях, а не излагал общие суждения, пусть даже и актуальные, и выходящие за пределы анкеты; (2) наличие описания изменений в жизни респондентов, произошедших в последние годы: финансовых изменений, последствий участия близких в военных действиях, перемен в занятости или доходах и т. п. Это позволяло отбирать нарративы, важные именно для изучения преломления актуальной социальной ситуации в судьбах и повседневной жизни людей, а не устойчивые биографические обстоятельства, характерные для разных времен и эпох. Отобранные нарративы группировались по тематическим блокам в процессе последовательного прослушивания аудиозаписей; состав тематических блоков уточнялся по мере накопления материала до достижения аналитической полноты описания каждой выделенной темы. Хотя данные таблицы 2 показывают, что различия по социально-демографическим характеристикам и политическим взглядам между респондентами, оставившими нарративы о жизненной ситуации и не оставившими таковых, значимы¹, но не слишком велики, значительно более существенными оказались различия по готовности говорить о собственной жизни: если более довольные ситуацией в стране и собственной жизнью респонденты чаще предпочитают высказывать похвалу руководителям различного уровня или говорить о достижениях или собственных важных, но все же довольно типичных радостных событиях, то столкнувшиеся с проблемами люди чаще имеют потребность подробно высказаться о конкретных трудностях своей жизни и поделиться своими переживаниями либо достучаться до руководства. Поэтому мы понимаем, что проанализированные интервью с высказанными нарративами смещены в сторону негативных оценок происходящих событий, и представленные в данной работе интервью нельзя считать репрезентативными для населения России, хотя они и отобраны из опросов, репрезентирующих взрослое население России. Однако качественный анализ и не претендует на репрезентативность полученных результатов, он проводится для описания и анализа специфики конкретных трудностей людей, с которыми они столкнулись в последние годы.

¹ Значимость различий между группами проверена с помощью z-теста для независимых выборок. Уровень значимости равен 95%.

Работа с аудиозаписями проводилась следующим образом. В ходе прослушивания всех 474 аудиозаписей фиксировались высказывания, представляющие аналитический интерес согласно критериям отбора, представленным в предыдущем абзаце. Такие фрагменты были транскрибированы и включены в корпус данных для последующего анализа. Аудиозаписи, не содержавшие высказываний, удовлетворяющих критериям отбора, в дальнейший анализ не включались. После чистки массива итоговый корпус интервью, представляющих аналитический интерес, составил 385 интервью.

Тематические блоки анализа формировались индуктивно: на основе содержания самих отобранных высказываний. По мере транскрибирования фрагменты группировались по содержательной близости: в качестве отдельных тем выделялись те предметные области, которые оказались достаточно представлены в корпусе для развернутого аналитического описания. Такой подход соответствует логике индуктивного тематического анализа, при котором категории формируются из эмпирического материала (Braun, Clarke 2006).

При интерпретации высказываний мы исходим из принципа ситуативности (контекстуальности, индексичности) смысла. Значение ответов респондентов каждый раз доопределяется ситуацией: с одной стороны, ситуацией самого интервью (тем, кому, как и в каких условиях адресован ответ), а с другой — жизненной ситуацией респондента, той биографической и социальной позицией, из которой он говорит. Согласно феноменологической социологии, повседневное действие и высказывание укоренены в конкретной ситуации и осмысляются в ее горизонте (Шютц 2004), а согласно теореме Томаса, если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям (Thomas, Thomas 1928). Поэтому один и тот же вопрос массового опроса побуждает респондентов в разных жизненных ситуациях высказывать разные нарративы. Эта ситуативная привязка реконструируемых смыслов является предметом качественного анализа.

Совокупность из 385 интервью, прошедших отбор для итогового анализа, мы рассматриваем как корпус качественных данных (высказываний), поддающихся типологизации. Как показано в таблице 2, оставившие нарративы респонденты по социально-демографическому и политическому профилю несколько смещены относительно остальных опрошенных: среди них больше пожилых и низкодоходных, а также несколько более критично настроенных к решениям властей. Поэтому корпус не репрезентирует распределение мнений среди россиян в целом, но позволяет реконструировать содержание и логику тех жизненных трудностей, о которых россияне говорят по собственной инициативе.

По содержанию высказываний выделяются четыре тематические группы нарративов, различающиеся видом высказываемой жизненной ситуации и спецификой высказавших ее респондентов (таблица 3).

Таблица 3

Тематическая структура корпуса проанализированных нарративов

Тематическая группа нарративов	Типичные носители нарративов	Качественные отличительные признаки
Нарративы о смертях и личных утратах	Родственники и знакомые погибших или раненых участников боевых действий	Конфликт переживается как биографическая травма и личная утрата; разрушаются привычные схемы доверия и ожиданий; в фокусе — смерть, горе и его невыразимость
Проблемы участников СВО и их семей	Жены и близкие воюющих, раненые участники боевых действий	Запрос на справедливое, симметричное распределение тягот военного времени; ситуации «бедности по лишениям» даже при формально высоком доходе; трудности адаптации
Экономические трудности военного времени	Неработающие пенсионеры, работающие бедные, сезонно занятые, многодетные семьи	Бедность по доходам и по лишениям; рост цен и сужение потребления; наиболее острые проблемы — на пересечении нескольких видов проблем: сочетания экономической и социальной депривации
Опасения и тревоги респондентов	Респонденты, опасющиеся высказываться о политике и утрачивающие связь с эмигрировавшими близкими	Страх мошенничества и преследований; ощущение незащищенности; разрыв или ослабление связей с уехавшими близкими

**Участие в опросе как способ поделить горем:
нарративы о смертях**

Начнем с анализа высказываний респондентов о непосредственном вторжении в их судьбы военного противостояния и превращении его в событие их биографии. Военные действия на чужой территории неодинаково влияют на жизнь семей участников боев и остальных их соотечественников, в меньшей степени затронутых экзистенциальной угрозой собственной жизни и жизни близких людей. Для людей, столкнувшихся с военными потерями или тяжелыми ранениями среди близких друзей

или родственников, военный конфликт из исторического события превращается в событие их личной биографии, которое воспринимается по-новому. Ранее мы количественно показали, что появление военных потерь в ближнем кругу значительно снижает уровень поддержки решения начать военные действия (Звоновский, Ходыкин 2023б).

Личные потери воспринимаются более важными, чем декларируемые цели военного противостояния, которые уходят на второй план для людей, столкнувшихся с утратой. Поэтому некоторые респонденты возлагают вину за гибель близкого человека на руководство страны, которое не уберегло их родственника. Респондентка на вопрос о доверии В. Путину (Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете Президенту России Владимиру Путину?) ответила: *«нет, не доверяю (Путину). Я доверила своего брата, которого схоронила. Пусть там идет и сам воюет»* (ж., 45 лет, Москва). Это высказывание фиксирует крушение типизированной схемы доверия по А. Шютцу, на которой строится жизненный мир респондентки. Нормальными отношениями с государством она считает такие, когда власть заботится о тех, кого отправляет воевать. Для респондентки эти типизации рухнули в момент гибели брата. Глагол «доверила» указывает на то, что отношения с властью мыслились как личный контракт, нарушенный военным и политическим руководством, которое не уберегло близкого ей человека. Шютцевское различие мотивов «потому что» и «для того чтобы» позволяет объяснить утрату респонденткой доверия к главе государства: ее недоверие имеет причину в прошлом (*«потому что я схоронила брата»*), но одновременно оно ориентировано в будущее в контексте требования восстановления справедливого порядка (*«пусть сам воюет»*), в котором риски должны быть распределены симметрично между принимающими политические решения и исполняющими их подобно тому, как древнегреческие граждане совместно принимали решение об участии в войне и совместно же шли воевать. К утрате доверия привело переопределение ситуации: власть, которая посылает на смерть, но не разделяет риск, лишается легитимности. При этом ускоренный темп речи и раздраженно-горестная интонация высказывания показывают прорыв травмы, которая говорит сама за себя, не нуждаясь в оправданиях. Смерть брата присутствует в этом высказывании не как тема, а как субстрат речи.

На вопрос о том, как военные действия повлияли на ее жизнь (вопрос для респондентов, которые ответили, что СВО повлияла на их повседневную жизнь — как спецоперация повлияла на Вашу повседневную жизнь: скорее положительно или скорее отрицательно?), одна из респонденток ответила: *«Вы знаете, у меня брат погиб на СВО, поэтому этот вопрос*

не истинный (для меня сейчас). Извините» (ж., 56 лет, Московская область). Для этой респондентки переживание личной утраты сделало нерелевантным разговор о принесшем горе в ее жизнь событии в контексте обсуждения повседневных последствий — гибель брата на СВО наделяет это событие экзистенциальным статусом, не позволяющим говорить о нем во фрейме повседневности, названной М. Вебером «выхолощенной», т.е. лишенной трансцендентного измерения. Столкнувшейся с гибелью близкого человека респондентке рассуждения о связанных с военными действиями повседневных изменениях сами по себе представляются кощунственными, обесценивающими утрату — по сравнению с экзистенциальной травмой смерти близкого человека бытовые неурядицы или приобретения воспринимаются незначимыми, а их обсуждение в разговорах о принесшем утрату событии трактуется как оскверняющее память о погибшем и социально порицается. Неистинностью она называет неуместность этого вопроса в таком контексте — переживание военной потери не позволяет говорить о последствиях военных действий в повседневном фрейме, поэтому такое обсуждение блокируется.

В приведенной нами сегментации выделена особая группа противников СВО, критикующая не само решение о военной интервенции, а то, как ведутся боевые действия (Звоновский, Ходыкин 2024). Ее представители не против целей СВО, они лояльны объясняющему ее официальному нарративу, но они недовольны недостаточными, по их мнению, успехами и избыточными военными издержками. В эту группу переходят бывшие сторонники военного противостояния, когда их лично затрагивают военные потери — они начинают говорить об ошибках командования, плохой подготовке, коррупции на местах и других проблемах. Один из таких респондентов в ответ на вопрос об одобрении деятельности Госдумы (Вы в целом скорее одобряете или скорее не одобряете работу Государственной Думы?) высказывает крайнее недовольство политической действующей власти и возлагает на ее представителей вину за гибель молодежи из его окружения: *«При “Единой России” это все бардак! Я Вам открытым текстом говорю... Предатели! Потому что это боль. Моего сына одноклассник погиб. На mine подорвался. 19 лет парню. Представляете? Он отслужил, подписал контракт. И в первом бою погиб. Спасибо, остался сын у него... Ну, я Вам говорю, как отец... Война пользы никому не принесла, только вред. Прежде чем воевать, надо подготовиться. У нас (в селе) хоронят, в моем селе 40 человек воюют. Из 40 уже 10 погибли»* (м., 64 года, Астраханская область). Респондент приводит локальную статистику («из 40 человек уже 10 погибли»), которую он сам видит и противопоставляет ее официальным данным, в результате чего срав-

нение оказывается не в пользу последних, что подрывает его доверие к власти и ее заявлениям. Это типичный для человеческих документов случай, когда субъективный опыт, противореча официальным высказываниям, претендует на статус объективного свидетельства, поскольку он дается человеку непосредственно, то есть без посредников в виде СМИ или госорганов.

Причиной гибели солдат респондент считает недостаточную подготовку российской армии, за состояние которой отвечает партия власти, руководство которой он называет «предателями», т.е. действующими на благо тех, кого респондент считает врагами — недостаточная подготовка армии в военное время трактуется им как помощь врагам и расценивается как обман доверия. Это вызывает эмоционально окрашенное обвинение в предательстве, с одной стороны, интересов страны, а с другой — ожиданий людей, доверивших властям свою жизнь и жизни близких. Как и другие сторонники официального государственного нарратива, респондент понимает, что столь жесткое суждение о власти в воюющей стране социально неодобряемо, поэтому для его произнесения нужна определенная смелость говорить прямо и открыто («я Вам открытым текстом говорю») и легитимация такой позиции, которую респондент берет в своем отцовском статусе («я Вам говорю, как отец»), т.е. человек, который много сил и ресурсов вложил в воспитание ребенка, лучше понимает горе других родителей, теряющих детей, поэтому он имеет право нарушать табу на жесткую критику власти и предъявлять ей претензии за гибель молодежи. Травматический опыт проявляется в некоторой сбивчивости повествования: респондент перескакивает с политических суждений на высказывание о гибели солдата, потом снова на политику. В этом травматическом нарративе конкретное человеческое горе — смерть 19-летнего парня — присутствует в каждом суждении, даже когда он говорит о «Единой России»: он судит эту партию через и на основании горя утраты, которое в сочетании с его отцовским статусом дает ему право судить руководство страны за недостаточную подготовку к военному противостоянию, с целями которого он в целом согласен, ведь проблема только в том, что «*надо подготовиться*», чего, по его мнению, сделано не было, — отсюда и горе; поэтому руководители для него «предатели».

Мы уже писали о том, что военное противостояние в его начале воспринято россиянами как чрезвычайное событие (Звоновский, Ходыкин 2023в). Однако в чрезвычайном состоянии долго пребывать нельзя, поскольку у людей истощаются и физические, и психические ресурсы, поэтому стратегией адаптации к затянувшемуся военному конфликту

становится рутинизация восприятия военных тягот, в том числе и потерь, если они напрямую не затрагивают членов семьи. Высказывание одного из респондентов при ответе на вопрос о последствиях СВО для России (как бы Вы оценили, по состоянию на сегодняшний день спецоперация принесла больше пользы или больше вреда для нашей страны?) показывает, как со временем люди адаптируются к гибели на фронте знакомых и постепенно перестают воспринимать эти случаи как нечто исключительное: *«Да ну, вреда (принесла спецоперация), узнаешь, кто тут подорвался, кто тут подорвался... Ну, полчаса (настроение)... И так, и так. Да ну, адаптируемся, что ж делать...»* (м., 64 года, Ульяновская область). С безысходностью в голосе пожилой респондент буднично говорит о потерях среди своих знакомых, поскольку изменить положение дел он не в силах, а переживать из-за них у респондента уже не хватает моральных сил, поэтому стратегией его адаптации стало встраивание трагических событий в рутинные типизации повседневности по А. Шютцу. Смерти постепенно начинают восприниматься как некое трагичное, но привычное событие, повлиять на которое нет никакой возможности. В проведенном Лабораторией публичной социологии этнографическом исследовании восприятия военных действий жителями прифронтовой Курской области также показано преобладание отстраненных высказываний об их последствиях, как если бы это были последствия стихийного бедствия или другой подобной неизбежности непреодолимой силы, которую нужно не оценивать и не обсуждать как политическое событие, а принять как данность и адаптироваться к ней (Ничто не предвещало 2024). Определение ситуации как трагической неизбежности, вроде стихийного бедствия, снижает тяготу переживаний: *«да ну, адаптируемся, что ж делать...»* — это фаталистическое принятие чрезвычайной ситуации, позволяющее продолжать жить в ее условиях и не потерять психическое здоровье.

Когда потеря близких, особенно детей, сочетается с пожилым возрастом и проблемами со здоровьем, социальная депривация становится особенно тяжелой. Одна из респонденток при ответе на вопрос о выборе между адаптацией и изменениями обстоятельств (если говорить в целом, Вы чаще стараетесь изменить жизненные обстоятельства, которые Вас не устраивают, или чаще адаптируетесь к ним?) ответила: *«Ой, Боже мой... (с глубокой печалью в голосе) Вы знаете, дело-то в том, что у меня вот два года (как) сына похоронила... Ну 76 лет, ну что я могу делать? У меня ноги уже не ходят, я с костылем хожу»* (ж., 76 лет, Ростовская область). В данном случае мы не знаем, связана ли потеря сына с участием в боевых действиях, но для пережившего утрату пожилого человека это ситуацию не меняет: военные потери неизбежно увеличивают число таких пожилых

людей, остающихся без поддержки детей. Респондентка тяжело переживает утрату («Ой, Боже мой...») в условиях социальной изоляции и отсутствия возможностей не только для передвижения («у меня ноги уже не ходят, я с костылем хожу»), но и для полноценной жизни в целом («ну что я могу делать?»). В ее нарративе нет упоминания поддерживающей группы, институтов помощи, государства — есть только она, ее горе и подорванное здоровье. В этом ее высказывании зафиксировано не мнение, а состояние, в котором присутствие утраты и немощи сливаются.

О проблемах участников СВО и их семей

Важной группой, недовольной действиями властей, являются близкие (чаще всего жены) воюющих, столкнувшиеся с проблемами снабжения, ошибками руководителей на местах и необходимостью больших трат на обмундирование. Позиция представителей этой группы выражена в протестах жен мобилизованных. Жена участника СВО говорит о финансовых проблемах обеспечения военнослужащих и при ответе на вопрос о доходах (укажите, пожалуйста, хотя бы приблизительно, какой ежемесячный доход в среднем приходится на каждого члена Вашей семьи?) в отчаянии обращается с претензией к интервьюеру как к представителю власти: *«невозможно жить в семье с ипотекой в 60 тысяч! При том, сколько нужно туда (на фронт). Я продала все, что можно было продать в своей квартире. Я купила мужу в обмундировании больше, чем на 1,5 миллиона рублей. Только благодаря этому он живой. Пули уже встрели в зашитую и в БР-5... Сколько я на своем горбу лично (перевезла), я маленькая, худенькая девочка, я последний раз отвезла полторы тонны... (сбивчивым голосом) А Вы только отчеты “дяде Вове” отправляете! А “дядя Вова” даже читать не хочет о проблемах! Кто Вы?! (с раздражением) Это мы по копейкам собираем и возим...»* (ж., 30 лет, Ленинградская область). Военное противостояние актуализировало различие между доходом и достатком, при котором даже высокий доход в условиях необходимости больших затрат приводит к низкому достатку. Русскоязычному читателю это различие известно из разделения «бедности по доходам» и «бедности по лишениям», описанного в крупном исследовании проблемы бедности россиян, проведенном под руководством М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой: человек может получать довольно высокую зарплату и испытывать при этом значительные материальные трудности из-за больших трат на лекарства, наличия родственников с зависимостями, жизни в труднодоступных местах или большого числа иждивенцев (Бедность и неравенства 2013). Таким образом, для определения уровня достатка знать расходы человека не менее важно, чем доходы.

Материальные трудности семей военнослужащих также создают для них угрозу столкнуться с бедностью по лишениям: с одной стороны, участники СВО получают крупные выплаты и имеют высокие доходы, но с другой — в случае отсутствия необходимого обмундирования затраты на него нивелируют высокий уровень выплат. Более того, необходимость и объемы таких затрат широко не обсуждаются и поэтому остаются неизвестными и неожиданными для семей военных. В описанном случае респондентка рассчитывала, что военные выплаты облегчат для ее семьи ипотечное бремя, но полуторамиллионные жизненно необходимые траты (*«только благодаря этому он (муж) живой»*) на амуницию неожиданно сделали ее финансовое положение крайне тяжелым (*«продала все, что можно было продать в своей квартире»*). Еще тяжелее ей становится из-за невозможности рассчитывать на помощь воюющего мужа в решении сложных проблем снабжения. Отсюда ее отчаянная апелляция к несоразмерности ее физических возможностей (*«я маленькая, худенькая девочка»*) и задач, которые она вынуждена решать в одиночку (*«я последний раз отвезла полторы тонны»*). Столь сложные и неожиданные проблемы подорвали доверие респондентки к власти. Ее насмешливо-осуждающее высказывание о военно-политическом руководстве страны (*«А “дядя Вова” даже читать не хочет о проблемах!»*) и его представителях, к которым она относит и проводящих опрос социологов (*«А Вы только отчеты “дяде Вове” отправляете!»*), показывает ее отчаяние и утрату доверия к власти и официальным заявлениям.

В высказывании респондентки также звучит требование симметричного распределения военных тягот и проблем между властью имущими и семьями военных, отсутствие которого трактуется как попрание базового принципа справедливости, разрушает доверие к военно-политическому руководству и при официально декларируемом народном единении создает разобщенность между семьями военных и властями, между «нами» и «ними»: «мы воюем и терпим все тяготы и лишения, а они пишут отчеты и не хотят слышать о проблемах». Респондентка обвиняет В. Путина, олигетворящего для нее российскую власть, в нарушении негласного контракта между семьями военных и командованием: мы воюем, а вы нас обеспечиваете всем необходимым и решаете наши финансовые проблемы (Звоновский, Ходыкин 2025). Она не видит возможностей влиять на решения властей, поэтому использует хотя бы участие в опросе как способ высказать свою обиду и поделиться трудностями, приводящими в отчаяние, проявляющееся в сбивчивом голосе, раздраженных и экспрессивных высказываниях.

Другим вариантом запроса на симметричное распределение тягот и благ является указание на различия в льготах и выплатах между во-

енными с разным статусом. Респондентка на вопрос об изменениях ее материального положения (за последний год Ваше материальное положение улучшилось, ухудшилось или в целом не изменилось?) ответила: *«Я являюсь госслужащим. У меня супруг находится на СВО. Я сейчас в положении. Подаю на пособие... Мне сказано, что у меня превышает доход. У меня, вот, просто такой вопрос: почему каким-то некоторым гражданам всем дают, а мне не дают? Мы живем в кредитах... Просто мобилизованным почему-то все... У меня супруг, понятно, он сам подписывал контракт... а нам ничего»* (ж., 30 лет, Приморский край). У людей, столкнувшихся с ограниченностью ресурсов, обостряется ощущение несправедливости их распределения. Испытывающим финансовые трудности свойственно ощущать себя обделенными и указывать на то, что другие в схожем положении получают незаслуженное, по их мнению, преимущество. Имеющая долги респондентка возмущается не столько своими финансовыми трудностями, сколько преимуществами мобилизованных сослуживцев мужа, считая такую ситуацию несправедливой. Это вариант горизонтально ориентированной линии разобщения, при которой ощущаемая асимметрия между «нами» и «ними» проходит не между более и менее статусными группами, а между людьми со сходной деятельностью и статусом.

Реабилитация вернувшихся домой и в особенности переживших ранения участников военных действий является сложной и затратной задачей для воевавших государств. Если такой работы не проводится, раненые военные оказываются в сложной ситуации и ощущают брошенность государством. Один из раненых, чьи родственники умерли, пока он воевал, в ответ на вопрос о доходе (укажите, пожалуйста, хотя бы приблизительно, какой ежемесячный доход в среднем приходится на каждого члена Вашей семьи?) рассказывает о своем тяжелом положении: *«Никакой (доход), я сейчас инвалид... У меня все умерли, пока я воевал. Вот, я один остался. Это первое. А второе, доход — это пенсия моя. И то, которую уменьшили. У меня выходит 21 тысяча военной пенсии и плюс за ранение 6–7»* (м., 48 лет, Астраханская область). За время военных действий этот участник столкнулся с тройной утратой: во-первых, он утратил здоровье и стал инвалидом, во-вторых, он потерял умерших близких, в-третьих, он потерял доходы и получает маленькую военную пенсию, не дотягивающую до 30 000 рублей, прожить на которую очень сложно. Респондент попал в «зону дезаффилиации» по Р. Кастелю, когда отсутствие работы и достойного дохода, сочетаясь с социальной изоляцией, постепенно исключает человека из полноценной общественной жизни и провоцирует его попадание в трудную жизненную ситуацию (Castel 2000).

Н.П. Щукина отнесла бедность и одиночество к главным источникам социальных проблем пожилых людей (Щукина 2004). Можно утверждать, что и для более молодых эти источники проблем остаются актуальными. Когда к ним добавляются еще и проблемы со здоровьем, человек оказывается в сильной социальной депривации, риск которой для участников войн выше из-за распространенности у них посттравматического стрессового расстройства (ПТСР): в частности, по оценкам врачей, среди советских военных, участвовавших в войне в Афганистане, более 30% страдали от ПТСР (Стрельников 2000).

Об экономических трудностях военного времени

По данным исследования ВЦИОМ, к концу 2025 года уровень внутреннего напряжения среди россиян вырос: четверо из десяти респондентов часто сталкиваются со стрессовыми ситуациями, и этот показатель увеличился почти в полтора раза с 2022 года. Индекс стресса составил 50,6 пункта из 100 (+8,8 п. к 2022 г.) (Стресс... 2025). В число наиболее популярных стрессогенных факторов вошли экономические трудности и проблемы в трудовой деятельности. В количественных исследованиях крайне низкие доходы выражаются выбором вариантов «12 000 и менее рублей на члена семьи в месяц» или «денег не хватает даже на питание» и являются только статистической единицей. Но когда респондентка говорит: «Вы смеяться будете» перед тем, как назвать свой доход, она демонстрирует восприятие собственного дохода как связанного не только с экономической, но и с социальной депривацией, с ощущением социальной эксклюзии, недостаточности общественного признания. Бедность и социальная изоляция, как показал О. Льюис, усиливают негативный эффект воздействия друг друга (Lewis 1969).

По данным наших телефонных опросов, наиболее уязвимыми по уровню достатка являются пенсионеры: более четверти неработающих пенсионеров (27%) испытывают трудности с покупкой еды или одежды и обуви. Особые опасения вызывает группа неработающих пенсионеров, составляющая 27% взрослых россиян. Среди них 27% не могут удовлетворить самых базовых потребностей, еще для 28% большой проблемой станет необходимость покупки бытовой техники (Ходыкин 2025). Большинство неработающих пенсионеров уже нетрудоспособны и могут рассчитывать только на повышение пенсий или помощь близких. То есть их нынешние доходы не зависят от них самих. По данным нашего исследования восприятия россиянами произошедших и предполагаемых в будущем изменений их финансового положения, пенсионеры чаще других не ожидали изменений в будущем (70%) и полагали, что их экономическое

положение хуже, чем у других россиян, т.е. ощущали себя экономически депривированной группой (Звоновский, Ходыкин 2023а). В то же время данные различных опросов сходятся в том, что россияне пенсионного возраста чаще всех поддерживают руководство страны и все его решения, т.е. осознание собственной экономической обделенности не вызывает у большинства из них роста протестных настроений и претензий к власти, которые в большинстве случаев ограничиваются недовольством абстрактными «чиновниками» (Звоновский, Ходыкин 2024).

Большие трудности у пенсионеров вызывают неожиданные затраты, связанные с нередкими для пожилого возраста болезнями или смертью близких. Респондентка, столкнувшаяся с чередой смертей родственников и большими затратами на похороны, оказалась в трудной финансовой ситуации, несмотря на помощь семьи. На вопрос о доходах (укажите, пожалуйста, хотя бы приблизительно, какой ежемесячный доход в среднем приходится на каждого члена Вашей семьи?) она отвечает: *«за шестнадцать тысяч пенсия... Обычай такой. Сестру хоронила, дядю хоронила, золовку хоронила. Я мужа три года (назад), уже скоро третий год, похоронила. Все нам и дают (в долг), а мы... Теперь я должна всем... Одному 2 500, другому 3 500»* (ж., 69 лет, Дагестан). В обычной ситуации долги пожилой женщины не кажутся крупными, но при пенсии в 16 000 рублей они становятся большой финансовой проблемой, а необходимость обращаться за помощью к близким увеличивает долговую нагрузку. Исследования экономической депривации показывают, что главная опасность жизни на грани бедности состоит в «финансовой хрупкости» обладателей таких доходов, т.е. постоянной угрозе для них оказаться за этой гранью в случае неожиданных финансовых потерь или затрат (Lusardi, Schneider, Tufano 2011; Maury et al. 2023; Despard et al. 2018). В данном случае финансовые проблемы усугубились личным горем потери близких людей, сделав восприятие ситуации еще более тяжелым психологически.

Когда размер пенсий остается близким к прожиточному минимуму, несмотря на большой трудовой стаж и опыт работы на вредном производстве, это вызывает возмущение, которое осложняет восприятие и переживание объективных финансовых проблем. Ощущение несправедливости, исправить которую нет возможности, порождает фрустрацию и снижение удовлетворенности жизнью. Одна из респонденток в ответ на тот же вопрос о доходах жалуется не столько на финансовые проблемы, сколько на несправедливость и невнимание к ней со стороны государства, во благо которого она работала всю жизнь: *«я одна пенсионерка, сын у меня уже 3 года находится на СВО... Пенсия 24 тысячи. Это какие деньги?! (с возмущением) А всю жизнь отработала. Тридцать девять лет стажу!*

И вот не знаю, куда обратиться. У меня есть и медаль, а все равно никакого внимания на нас нет. Нашу (надбавку) снимать начали. Кто ни дня не работал, они почти такую же пенсию получают. А я вот 16 лет работала на вредном (производстве). Я все здоровье угробила...» (ж., 75 лет, Бурятия).

В ответе на вопрос о доходах на каждого члена семьи респондентка приводит стройную систему аргументов, показывающую несправедливость нынешнего размера ее пенсии. Во-первых, она апеллирует к стажу, показывающему, что его обладатель всю жизнь трудился и платил отчисления в Пенсионный фонд: *«39 лет»*. Во-вторых, она ссылается на особые заслуги перед государством: *«сын на СВО», «у меня есть и медаль»*. Если респондентка отправила сына на опасное для жизни выполнение решения государственной власти и получила признание своих заслуг в виде государственной награды (медали), то она считает справедливым получать достойную оплату, показывающую признание государством ее заслуг перед ним, а отсутствие такой оплаты воспринимается как неуважение и непризнание заслуг (*«все равно никакого внимания на нас нет»*), т.е. претензия респондентки к государству не столько в том, что оно мало платит, сколько в том, что оно не замечает ее заслуг, ее жертв, оскорбляя отсутствием символического признания. В-третьих, респондентка указывает на вредность производства, апеллируя к телесному ущербу, понесенному ради работы во благо государства, которое теперь должно компенсировать ей эту жертву: *«16 лет работала на вредном», «все здоровье угробила»*.

Риторический вопрос *«это какие деньги?»* фиксирует несоответствие между вкладом и вознаграждением, а противопоставление *«тем, кто ни дня не работал»* показывает несоответствие труда и его оплаты: когда «неработавшие» получают почти столько же, сколько человек, получивший 39 лет стажа и подорванное здоровье, это воспринимается как грубейшее нарушение справедливости. При этом респондентка не просто сообщает факты — она предъявляет их как доказательство, как свидетельства своей правоты. Ее труд, здоровье, сын, медаль — все это присутствует в речи как аргументы, легитимирующие требование к государству повысить размер пенсии и вернуть полагающуюся ей надбавку, снятие которой воспринимается как отъем кровно заработанных денег.

Примечательно, что о наиболее острых финансовых проблемах говорят пенсионеры, живущие в регионах из нижней части рейтинга по уровню оплаты труда и размерам бюджетов: Дагестана, Бурятии. Таким образом, в условиях высокого уровня межрегионального неравенства (Зубаревич, Сафронов 2024), при котором межрегиональная покупатель-

ная способность различается почти в четыре раза (Бобков и др. 2024), высказывания представителей экономически наиболее уязвимой группы неработающих пенсионеров о самых острых финансовых проблемах концентрируются в отстающих по уровню жизни населения регионах.

По данным всероссийского телефонного опроса, проведенного компанией «Хроники» в сентябре–октябре 2025 года (N = 1603), у 3% работающих россиян доход на каждого члена семьи составляет 12 000 рублей и менее. В сумме у 30% работающих россиян доход на члена семьи менее 30 000 рублей. Такие респонденты входят в группу так называемых работающих бедных, т.е. людей, чьи заработки не позволяют преодолеть экономическую депривацию, несмотря на участие в трудовой деятельности. Расчеты экономистов показывают сходную с опросными данными долю работающих бедных (25%) (Селиванова, Разумов 2023). Таким образом, около четверти работающих россиян испытывают экономическую депривацию. Исследования бедности работающих россиян показывают, что она устойчива во времени и приводит к утрате профессиональной идентичности, ощущению низкого статуса и выбору стратегий выживания в ущерб профессиональному развитию (Каримов, Ахметова 2025).

Прекаризация и в целом нестабильность занятости работников создают условия для их социально-экономической депривации (Кученкова 2021). Если занятость зависит от сезона и значительную часть года приходится получать доход меньше прожиточного минимума, да еще и в условиях маленького города, в котором закрылось некогда градообразующее предприятие, работники сталкиваются с финансовыми проблемами, связанными с неполной занятостью. Такую ситуацию при ответе на представленный выше вопрос о доходах описывает один из респондентов: *«Я зарабатываю 2700 рублей в день (сейчас). Зимой я зарабатываю 10 (тысяч) рублей в месяц, но я на полном обеспечении начальства. У нас пока летом все на полях работают. У нас нет работы. Нет работы... У нас завод еще развалили, все пострадали... А мы, кто в Ленинске живем, мы ездим вот сейчас на поля, а зимой — кто где пристроится»* (м., 48 лет, Волгоградская область). Сезонный характер занятости респондента и отсутствие работы в течение всего зимнего периода создают экономическую нестабильность и вызывают неудовлетворенность работой. Повтором слов *«нет работы»* респондент акцентирует внимание на отсутствии у него возможности изменить собственную занятость: он, может быть, и хотел бы иметь другое рабочее место, но его просто нет, поэтому приходится соглашаться на имеющиеся условия. В таком положении дел он винит местные власти, нынешние или прежние, обвиняя их в закрытии градообразующего предприятия (*«завод развалили»*), что сделало его небольшой

промышленный город местом социального неблагополучия. В данном случае прослеживается проблема периферийной экономики: когда промышленность разрушена, население вынуждено перебиваться сезонными заработками в аграрном секторе. При этом зимой проблема неполной занятости усугубляется, воспроизводя экономическую депрессивность территории: нет работы — низкие доходы — низкая покупательная способность населения — недостаточное потребление неплатежеспособным населением товаров и услуг — невозможность создать новые рабочие места.

Экономические исследования показывают сильную прямую связь между ростом иждивенческой нагрузки и уровнем бедности работающих семей; при этом специфика российской ситуации в том, что наличие детей в разы повышает для семьи работающего человека вероятность попасть в категорию малообеспеченных (Разумов, Селиванова 2022). В качестве примера такой ситуации приведем ответ на представленный выше вопрос о доходах респондентки, вынужденной оплачивать обучение в техникуме двоих детей: *«у меня в семье 6 человек. Муж зарабатывает 30 тысяч, я зарабатываю 21 тысячу... Двое у меня учащихся детей, которые учатся в техникуме, на платной основе. Оплачиваю все это государственным (пособием), то, что мне дали на детей»* (ж., 40 лет, Хабаровский край). Государственное пособие (скорее всего, речь идет о материнском капитале) позволяет оплачивать обучение детей, но материальное положение семьи все равно остается тяжелым из-за низких доходов родителей. В данном случае также можно отметить, что эта семья столкнулась с бедностью одновременно и «по доходам», и «по лишениям»: сочетание низких доходов с высокими расходами выталкивает ее за черту бедности.

Одна из проблем низких доходов в том, что для их обладателей финансовые трудности усугубляются структурной стигматизацией, последствия которой воспринимаются как снижение самооценки, возникновение ощущения тревожности, неблагополучия и унижения (Шаповал 2014). Исследования показывают, что воспринимаемая структурная стигма связана с тревожностью, депрессией и психическим благополучием, и эти взаимосвязи сохраняются после учета социально-экономических показателей (Inglis et al. 2025). Восприятие низких доходов как стигмы проявилось в кратком высказывании респондентки в ответ на вопрос о доходах в изложенной выше формулировке: *«Вы смеяться будете... 9-10 тысяч (рублей доход)»* (ж., 53 года, Курганская область). Прежде чем назвать цифру, она определяет ситуацию как потенциально унижительную, ожидая насмешки и защищаясь от нее предупреждающим указанием на ее возможность — *«Вы смеяться будете»*. Когда недостаток становится маркером

социального статуса, низкие доходы переживаются как указание на ее общую жизненную неуспешность.

Опасения респондентов

По данным наших исследований, опасения столкнуться с мошенничеством и преследованиями за высказанную позицию побуждают часть респондентов отказываться от участия в опросах на социально-политическую тематику: угроза потери денег и прямая инструкция ЦБ РФ, доводимая до населения через рекламную кампанию «Положи трубку!», не способствует готовности россиян проходить опросы, в большей степени воздействуя на женщин (Звоновский, Ходыкин, Раскевич 2026). Растущее в последние годы число случаев мошенничества (в том числе телефонного) и его широкое обсуждение в СМИ делают людей более подозрительными и настороженными (Раскевич 2025). Это отразилось и в ответах респондентов, в первую очередь пожилых женщин: *«У меня как раз соседка попала в мошенникам. Женщину прямо вот остановили у банкомата. Она уже, в общем, как под гипнозом была. Мы все напуганы»* (ж., 66 лет). Респондентка, с одной стороны, опасается мошенников, но с другой — испытывает потребность высказать свои опасения, в том числе и в рамках прохождения опроса. Таким образом, недоверие сочетается с желанием обсудить актуальную проблему.

Иногда опасаящиеся мошенников респонденты в целом готовы проходить опрос, но не готовы отвечать на некоторые вопросы, кажущиеся им раскрывающими личную информацию. Респондентка отказалась отвечать на вопрос о доходе в предложенной выше формулировке из-за опасения мошенников: *«Я не буду отвечать на этот вопрос (о доходе), потому что, а вдруг вы мошенники... Да, хотя у нас собрать (информацию)»* (ж., 55 лет, Московская область).

Некоторые родственники запрещают пожилым респондентам разговаривать по телефону с незнакомыми людьми, опасаясь, что близкий человек столкнется с мошенниками. Одна из респонденток при получении согласия на интервью так описывала свои сомнения: *«Я не знаю, вообще мне не разрешают дети ни с кем ничего разговаривать»* (ж., 91 год, Москва). Но все же интерес к опросу взял верх, и она согласилась на интервью.

Другим источником нежелания проходить опросы являются опасения столкнуться с преследованиями за высказанную при ответах на вопросы анкеты позицию. После принятия законов, криминализирующих критику действий российской армии, несогласные с военным противостоянием респонденты стали высказывать опасения получить наказание за участие в опросах (Vyrskaia, Tkachenko, Martynova 2025). В нарративах наших

респондентов также присутствовали высказывания, выражающие такие опасения. Один из респондентов в ответ на предложение поучаствовать в опросе сказал: *«Только смотря какие вопросы будут. А то сейчас будут у вас какие-нибудь вопросы, за которые потом меня в тюрьму посадят на лет 10. Я не могу быть уверен на сто процентов...»* (м., 47 лет, Омская область). Но все же он согласился на участие в политическом опросе. Другой респондент после окончания опроса попрощался с интервьюером словами: *«Я надеюсь, Вы не отправите мой разговор в ФСБ... Дело-то не в том, как Вы работаете, а дело в том, как с Вами могут поработать (спецслужбы). Ладно, Вам доброго дня. Просто джекпот от меня, что я ответил. Обычно я трубку вешаю»* (м., 36 лет, ХМАО). В данном случае, возможно, респондент вспомнил о рискованности темы опроса только после его окончания или же ответил не вполне серьезно. Однако тот факт, что люди держат в уме возможность столкнуться с уголовным преследованием в связи с высказанным в опросе мнением, показывает распространение среди россиян тревожности из-за возможных преследований за политические взгляды.

После начала военных действий между их сторонниками и противниками произошло множество конфликтов из-за политических взглядов. Многие из этих конфликтов усилились разделением между эмигрировавшими и оставшимися в России родственниками и друзьями: когда политическое разделение подкрепляется государственными границами, отношения между близкими людьми рискуют быть разрушенными (Борусяк 2024). Физическая дистанция и государственные границы затрудняют общение между разделенными семьями, что способствует разрыву социальных связей и атомизации людей. Один из респондентов так пояснил свой ответ, что СВО отрицательно повлияла на его повседневную жизнь (как спецоперация повлияла на Вашу повседневную жизнь: скорее положительно или скорее отрицательно?): *«в силу того, что у меня семья за границей, и у нас вообще сейчас никакие отношения, только SMS-ки остались в телефоне»* (м., 61 год, Саратовская область).

Выводы и обсуждение результатов

По данным всероссийского телефонного опроса, проведенного компанией «Хроники» в сентябре–октябре 2025 года ($N = 1603$), 2% респондентов сами участвовали в военных действиях в Украине и еще у 35% в них участвовал кто-то из семьи. Опыт участия в боевых действиях самого респондента или кого-то из его близких кардинально меняет восприятие военного противостояния, вторгшегося в судьбу человека и ставшего для него биографическим событием. Разговор на военную тематику может

быть дискомфортным для таких респондентов, но потребность высказаться и донести свою позицию часто побуждает участвовать в опросах, отвечать более подробно и рассказывать о переживаниях, связанных с чрезвычайностью вовлеченности в военные события. Нарративы близких к фронту респондентов содержат несколько специфических черт:

Во-первых, военное противостояние воспринимается ими как конкретная, телесно переживаемая травма. Высказывания фиксируют момент крушения привычных типизаций: когда смерть близкого, необходимость самим собирать деньги на обмундирование или полученные ранения разрушают привычный ход жизни. Жизненный мир дает трещину, в которую проваливаются привычные схемы доверия, прежние акценты релевантности событий и понимания справедливости и безопасности.

Во-вторых, в своих высказываниях респонденты производят работу по определению ситуации, в которую они попали. В соответствии с этим определением меняются не только оценки власти и военных действий, но и сами основания суждения: легитимность начинает измеряться не соответствием официальным целям и аргументам, а тем, насколько власть, по мнению человека, выполнила подразумеваемые обязательства защиты, снабжения и справедливого распределения риска. Именно поэтому в нарративах родственников погибших и жен воюющих так часто звучит мотив нарушенного доверия как личного «контракта» («доверила», «только благодаря этому он живой»), а язык претензий легко переходит в моральный регистр, где ошибки и дефициты снабжения интерпретируются как обман и предательство. При этом принципиальное значение приобретает даже не реальная ситуация, а ее определение респондентами: важен не объективный уровень потерь или выплат, а то, как участники воспринимают, переживают и описывают ситуацию, потому что именно эта интерпретация становится реальной по последствиям — в разрыве доверия, в изменении отношения к власти и в переупорядочивании жизненных приоритетов.

В-третьих, высказывания показывают специфический источник недоверия, который можно описать как столкновение официальной картины с «народной статистикой», доступной респонденту непосредственно: число погибших в родном селе вызывает больше доверия, поскольку воспринимается непосредственно, а не из СМИ. В условиях разочарования в действиях власти формируется конкурирующий фрейм реальности, в котором официальные отчеты и заявления воспринимаются как трансляция идеологической позиции государства, которую правильно разделять, но ей не нужно верить при принятии конкретных жизненно важных решений — это переопределение ситуации само по себе становится меха-

низмом подрыва доверия. Важно, что критика при этом направлена не на сами декларируемые цели СВО, а на то, как ведутся боевые действия и почему, по мнению говорящих, потери оказываются избыточными из-за неподготовленности, организационных ошибок и проблем управления.

И наконец, для семей участников СВО существует экономическое измерение травмы, которое нельзя свести к вопросу о доходах: у жен возникают неожиданные и жизненно необходимые расходы на обмундирование и снабжение, способные нивелировать эффект от выплат и породить переживание бедности «по лишениям» при формально высоком доходе. Этот опыт структурируется как чувство несправедливости и асимметрии тягот, в результате чего появляется социальная дистанция между семьями военных и властью, переживаемая как разобщение.

Принципиально важно и то, как близкие участников СВО высказывают свои переживания: сбивчивость, ускорение темпа, раздражение, паузы и повторы оказываются симптомами вторжения переживания в речь, т.е. производством присутствия травмы. Поэтому опрос работает как канал, через который часть респондентов пытается проговорить опыт, не имеющий приемлемого повседневного языка или считающийся неуместным для повседневного обсуждения.

Экономические трудности военного времени актуализировали проблему «бедности по лишениям», когда даже относительно высокий доход (например, у участников СВО) нивелируется большими расходами, или когда работающие люди с зарплатой чуть выше МРОТ оказываются за гранью бедности из-за иждивенцев или долгов. В высказываниях пенсионеров экономическая депривация сопряжена с социальной: низкий уровень достатка прямо связан с социальной дезаффилиацией и невозможностью поддерживать социальные связи. Наличие проблем со здоровьем еще сильнее усугубляет данную ситуацию. Субъективное восприятие своего положения как несправедливого (например, сравнение человеком с большим трудовым стажем своей пенсии с пенсией тех, «кто ни дня не работал») усугубляет фрустрацию от низких доходов и ощущение брошенности государством, на которое возникает обида.

Особую уязвимость демонстрирует группа неработающих пенсионеров, в первую очередь проживающих в экономически депрессивных регионах: для них даже небольшие, но неожиданные расходы — похороны, болезни, помощь родственникам — превращаются в финансовую катастрофу из-за финансовой хрупкости, то есть постоянной близости к черте бедности при отсутствии резервов. Когда к экономической депривации добавляются проблемы со здоровьем, возникает синергетический эффект: невозможность поддерживать социальные связи усиливает изоляцию,

а изоляция, в свою очередь, делает невозможным преодоление финансовой депривации.

Отдельного внимания заслуживает психологическое измерение бедности, зафиксированное в нарративах: низкие доходы переживаются не только как материальная нехватка, но и как социальная стигма. Восприятие собственного дохода как потенциально унижительного маркера социального статуса усугубляет объективную экономическую депривацию субъективным ощущением социальной дезаффилиации и жизненной неспешности.

В условиях внешних трудностей процедура опроса выполняет не только измерительную, но также коммуникативную и экспрессивную функции. Для части респондентов участие в опросе становится редкой возможностью быть услышанными, донести свою боль или претензию до символического начальства. Парадоксальным образом, настороженность из-за мошенников и страх преследований за мнение иногда не блокируют желание высказаться, а создают фон, на котором согласие на интервью воспринимается самими респондентами как акт определенной смелости или исключение из обычного поведения в таких ситуациях.

Источники

Ничто не предвещало. Этнография «внезапной» войны в приграничном регионе. Курская область, осень 2024 // Отчет Лаборатории публичной социологии. URL: https://publicsociologylab.com/assets/reports/Ps-Lab_09.25_0.8_final.pdf (дата обращения: 24.06.2026).

Стресс и как с ним бороться // Аналитический отчет ВЦИОМ от 1.12.2025. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stress-i-kak-s-nim-borotsya?ysclid=mm79tm3yn4887363741> (дата обращения: 07.03.2026).

Литература / References

Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя (2013) Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН.

Poverty and Inequality in Contemporary Russia: Ten Years Later (2013) *Analytical Report*. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Бергер П., Лукман Т. (1995) *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум.

Berger P.L., Luckmann T. (1995) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Trans. by E.D. Rutkevich. Moscow: Medium (in Russian).

Бобков В.Н., Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Файзуллин Ф.С. (2024) Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации по индексу социального благополучия населения. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 17(5): 55–73. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.3>

Bobkov V.N., Gubarev R.V., Dzyuba E.I., Fayzullin F.S. (2024) Assessment of Interregional Inequality in the Russian Federation by the Index of Social Well-Being of the Population. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 17(5): 55–73. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.3> (in Russian).

Борусяк Л.Ф. (2024) Новая волна эмиграции: что она дает людям, чего лишает и что в них меняет. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 1(135): 52–69.

Borusyak L.F. (2024) A New Wave of Emigration: What It Gives People, What It Deprives Them of, and How It Changes Them. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannie. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions], 1(135): 52–69 (in Russian).

Братерский А.В., Кулешова А.В. (2021) *Открытый (в)опрос: общественное мнение в современной истории России*. Т. 1. М.: ВЦИОМ.

Bratersky A.V., Kuleshova A.V. (2021) *Open Question/Poll: Public Opinion in the Contemporary History of Russia*. Vol. 1. Moscow: VCIOM (in Russian).

Вебер М. (2016) *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. I. Социология*. Пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Weber M. (2016) *Economy and Society: Essays in Interpretive Sociology*. Vol. I: *Sociology*. Trans. from German; comp., ed. and foreword by L.G. Ionin. Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Гумбрехт Х.У. (2006) *Производство присутствия: Чего не может передать значение*. Пер. с англ. С. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение.

Gumbrecht H.U. (2006) *Production of Presence: What Meaning Cannot Convey*. Trans. from English by S. Zenkin. Moscow: New Literary Observer (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2023a) Восприятие российским общественным мнением экономических изменений после начала российско-украинского конфликта. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4: 3–29. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372>

Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2023a) Perception of Economic Changes by Russian Public Opinion after the Start of the Russian-Ukrainian Conflict. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 4: 3–29. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2372> (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2023b) Государственное событие и личные трагедии: становится ли спецоперация коллективной травмой для россиян? *Социодиггер*, 4(1/24): 38–48.

Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2023b) A State Event and Personal Tragedies: Is the “Special Operation” Becoming a Collective Trauma for Russians? *Sotsiodigger* [Sociodigger], 4(1/24): 38–48 (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2023с) Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области). *Социологический журнал*, 29(1): 8–35. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1>

Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2023c) Strategies for Adapting Supporters and Opponents of the “Special Military Operation” to Life under Its Conditions: The Case of Residents of the Samara Region. *Sotsiologicheskiiy zhurnal* [Sociological Journal], 29(1): 8–35. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1> (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2024) *Российское общественное мнение в условиях военного конфликта 2022–2023*. Chişinău: Historical Expertise. 340 с.

Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2024) *Russian Public Opinion under the Conditions of the 2022–2023 Military Conflict*. Chişinău: Historical Expertise (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. (2025) Отражение в российском общественном мнении соотношения идеологического и финансового мотивов участия в «спецоперации». *Историческая перспектива*, 3: 141–158. <https://doi.org/10.64737/2410-1419-2025-3-6>

Zvonovsky V.B., Khodykin A.V. (2025) The Relationship between Ideological and Financial Motives for Participation in the “Special Military Operation” as Reflected in Russian Public Opinion. *Istoricheskaya perspektiva* [Historical Perspective], 3: 141–158. <https://doi.org/10.64737/2410-1419-2025-3-6> (in Russian).

Звоновский В.Б., Ходыкин А.В., Раскевич А.В. (2026) *В свете опросов. Методические проблемы измерения общественного мнения о российско-украинском конфликте: монография*. Самара: Стандарт.

Zvonovsky V.B., Khodykin A.V., Raskevich A.V. (2026) *In the Light of Surveys: Methodological Problems of Measuring Public Opinion on the Russian-Ukrainian Conflict*. Samara: Standart (in Russian).

Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2024) Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке. *Региональные исследования*, 1(83): 4–18. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-1-1>

Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2024) Interregional Inequality in Russia and Post-Soviet Countries in the Twenty-First Century. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], 1(83): 4–18. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-1-1> (in Russian).

Каримов А.Г., Ахметова Э.И. (2025) Влияние низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни в домохозяйствах работников бюджетной сферы Республики Башкортостан. *Уровень жизни населения регионов России*, 21(4): 631–647. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_10_631_647

Karimov A.G., Akhmetova E.I. (2025) The Impact of Low Employment Income on Subjective Assessments of the Standard and Quality of Life in Households of Public-Sector Employees in the Republic of Bashkortostan. *Uroven' zhizni naseleniya*

regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 21(4): 631–647. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_10_631_647 (in Russian).

Кученкова А.В. (2021) Прекаризация занятости как фактор дифференциации заработной платы и социального самочувствия работников. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 21(1): 84–96. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-84-96>

Kuchenkova A.V. (2021) Precarization of Employment as a Factor of Wage Differentiation and Employees' Social Well-Being. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 21(1): 84–96. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-84-96> (in Russian).

Мертон Р. (2006) *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ; Хранитель.

Merton R.K. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: AST; Khranitel (in Russian).

Разумов А.А., Селиванова О.В. (2022) Домохозяйства в зоне риска бедности: региональный аспект. *Уровень жизни населения регионов России*, 18(2): 236–247. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.8>

Razumov A.A., Selivanova O.V. (2022) Households at Risk of Poverty: A Regional Perspective. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 18(2): 236–247. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.8> (in Russian).

Раскевич А.В. (2025) Уровень доверия россиян социологическим опросам на социально-политическую тематику: на примере г. Самары. *Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета*, 1(26): 156–162.

Raskevich A.V. (2025) Russians' Trust in Sociological Surveys on Sociopolitical Issues: The Case of Samara. *Vestnik molodykh uchenykh i spetsialistov Samarskogo universiteta* [Bulletin of Young Scientists and Specialists of Samara University], 1(26): 156–162 (in Russian).

Селиванова О.В., Разумов А.А. (2023) Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня. *Экономика труда*, 10(2): 279–296. <https://doi.org/10.18334/et.10.2.117385>

Selivanova O.V., Razumov A.A. (2023) Poverty among the Working Population: Analysis of the Main Trends and Regional Experience in Reducing Its Level. *Ekonomika truda* [Russian Journal of Labor Economics], 10(2): 279–296. <https://doi.org/10.18334/et.10.2.117385> (in Russian).

Стрельников А.А. (2000) *Патогенез посттравматических стрессовых расстройств у ветеранов локальных военных конфликтов*: дис. ... д-ра мед. наук. СПб.

Strelnikov A.A. (2000) *Pathogenesis of Post-Traumatic Stress Disorders in Veterans of Local Military Conflicts*. Doctoral Dissertation in Medical Sciences. St. Petersburg (in Russian).

Фейерабенд П. (2007) *Против метода. Очерк анархистской теории познания*. Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: Хранитель.

Feyerabend P. (2007) *Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge*. Trans. from English by A.L. Nikiforov. Moscow: Khranitel (in Russian).

Ходыкин А.В. (2025) Динамика восприятия неработающими россиянами собственных потребительских возможностей. В: Ярашева А.В. (отв. ред.) *Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы: материалы X Международной научно-практической конференции (Москва, 29 ноября 2024 г.)*. М.: ФНИСЦ РАН: 332–336.

Khodykin A.V. (2025) Dynamics of Unemployed Russians' Perceptions of Their Own Consumption Opportunities. In: Yarasheva A.V. (ed.) *Income, Expenditure, and Savings of the Russian Population: Trends and Prospects. Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference (Moscow, November 29, 2024)*. Moscow: FCTAS RAS: 332–336 (in Russian).

Шаповал И.А. (2014) Субъективное качество жизни в психологии бедности. *Психолого-педагогические исследования*, 6(4): 207–218. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060418>

Shapoval I.A. (2014) Subjective Quality of Life in the Psychology of Poverty. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological-Educational Studies], 6(4): 207–218. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060418> (in Russian).

Шукина Н.П. (2004) *Институт взаимопомощи в системе социальной поддержки пожилых людей*. М.: Дашков и К°.

Shchukina N.P. (2004) *The Institution of Mutual Assistance in the System of Social Support for Older People*. Moscow: Dashkov i K° (in Russian).

Шютц А. (2004) *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. Пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Schutz A. (2004) *Selected Works: A World Glowing with Meaning*. Trans. from German and English. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Braun V., Clarke V. (2006) Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2): 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>

Castel R. (2000) The Roads to Disaffiliation: Insecure Work and Vulnerable Relationships. *International Journal of Urban and Regional Research*, 24(3): 519–535. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.00262>

Despard M.R., Guo S., Grinstein-Weiss M., Russell B., Oliphant J.E., deRuyter A. (2018) The Mediating Role of Assets in Explaining Hardship Risk among Households Experiencing Financial Shocks. *Social Work Research*, 42(3): 147–158. <https://doi.org/10.1093/swr/svy012>

Inglis G., Sosu E., McHardy F., Witteveen I., Jenkins P., Knifton L. (2025) Testing the Associations between Poverty Stigma and Mental Health: The Role of Received Stigma and Perceived Structural Stigma. *International Journal of Social Psychiatry*, 71(3): 554–563. <https://doi.org/10.1177/00207640241296055>

Lewis O. (1969) Culture of Poverty. In: Moynihan D.P. (ed.) *On Understanding Poverty: Perspectives from the Social Sciences*. New York: Basic Books: 187–220.

Lusardi A., Schneider D.J., Tufano P. (2011) Financially Fragile Households: Evidence and Implications. *Brookings Papers on Economic Activity*, Spring 2011: 83–134. <https://doi.org/10.1353/eca.2011.0002>

Maury M., Collyer S., Glasner B., Jia Y., Wimer C., Yera C. (2023) *Spotlight On: Liquid Assets, Financial Shocks, and Entrances into Material Hardship*. New York: Center on Poverty and Social Policy, Columbia University.

Thomas W.I., Znaniecki F. (1927) *The Polish Peasant in Europe and America*. 2nd ed. New York: Alfred A. Knopf.

Thomas W.I., Thomas D.S. (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. New York: Alfred A. Knopf.

Vyrskaiia M., Tkachenko A., Martynova N. (2025) Want to Be Heard: Survey Participation in Russia before and during the War. *Post-Soviet Affairs*, 41(6): 593–610. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2025.2548622>

BEYOND THE QUESTIONNAIRE: A QUALITATIVE RECONSTRUCTION OF RESPONDENTS' NARRATIVES OF WARTIME HARDSHIPS IN MASS POLITICAL SURVEYS

Vladimir B. Zvonovsky¹ (zvb@socio-fond.com)

Alexander V. Khodykin² (a.khodykin@socio-fond.com)

¹ Foundation for Social Research, Samara, Russia

² Samara State University of Economics, Samara, Russia

Citation: Zvonovsky V., Khodykin A. (2026) Beyond the Questionnaire: A Qualitative Reconstruction of Respondents' Narratives of Wartime Hardships in Mass Political Surveys. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(3): 212–243 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.8> EDN: FRKCEK

Abstract. Respondents' interpretations of survey questions are always broader than the set of attributes measured by a questionnaire. Their answers therefore often extend beyond the offered response scale, especially when a topic directly affects their lives. Some respondents provide detailed accounts that illuminate how people perceive economic and political conditions, whereas quantitative datasets retain only answer distributions. To describe more fully how Russians perceive their living conditions in relation to recent economic and political events, we analyzed narratives offered by respondents during surveys on political topics, focusing on the hardships they had faced in recent years. The empirical material comprises 474 audio recordings selected from three nationwide

telephone surveys conducted in 2024–2025. Interviewers flagged recordings that contained important narratives relevant to the survey topic but extending beyond the attributes measured by the questionnaire. The analysis produced five main findings. First, for respondents whose immediate circle includes participants in the military confrontation with Ukraine who were killed, wounded, or faced severe hardship, the conflict has become a biographical event experienced as personal trauma. Second, Russians—especially those whose families have been directly affected by hostilities—express a strong demand for a more equal distribution of wartime benefits, burdens, and deprivation between citizens and representatives of power. Third, the experiences of acquaintances who have fought shape respondents' opinions more strongly than media reports. Fourth, the greatest economic hardship arises when low income coincides with high expenses, for example when a small pension must also support dependents who are unable to work; non-working pensioners are therefore particularly vulnerable. Fifth, low income combined with poor health compounds economic deprivation through the loss of social ties that a person lacks the resources to maintain.

Keywords: narratives, qualitative methods, life difficulties, Russian-Ukrainian conflict, document analysis, telephone surveys, respondents.